

THE POEM “ANA VƏ UGYL” (“MOTHER AND SON”) – THE COEVAL OF THE POEM “KYYSSAI YUSUF”

Marcel Khaernasovich Bakirov,

GBU “Resource Center for the Implementation of Innovations
and Preservation of Traditions in the Sphere of Culture of the Republic of Tatarstan”,
66/33 Pushkin Str., Kazan, 420060, Russian Federation,
bakirovvolk@mail.ru.

The article studies the linguistic features of the poem “Ana və ugył” (“Mother and Son”), which is a coeval of the poem “Kyysai Yusuf” by Kul Gali (the 11th century). Several little-known sources of this work have reached us. We have introduced them into scientific circulation. The novelty of this work lies in the fact that we have carried out a comparative analysis of the lexical composition of these works, studied their isoglosses, and the features of local beliefs. Based on the identified internal relationship, the article proves that both works belong to Bulgar-Tatar literature. The discovered linguistic facts indicate the uniformity of the literary language norms of the Bulgar-Tatars from the Middle Volga region. A comparative study of the works has made it possible to reveal the features of the original literary-fictional koine of the Tatars’ ancestors who lived in the Middle Ages.

Key words: literary language of Volga Bulgaria, “Kyysai Yusuf”, “Ana və ugył”, colloquial language, literary koine

Introduction

We introduced the poem “Ana və ugył” (“Mother and Son”) into scientific circulation as the Bulgar-Tatar people’s heritage, created approximately at the same time as the poem “Kyysai Yusuf” (“The Tale of Yusuf”) by Kul Gali [1, pp. 95–97, 110–111, 189], [2, p. 263–267]. Working on the new monograph “The Secrets of Our Ancestors’ Origin”, which is currently in print, we have conducted a more profound analysis of this ancient work.

Materials and methods of research

The study is based on the poems “Ana və ugył” (“Mother and Son”) and “Kyysai Yusuf”. In the research, we used the systemic approach, as well as analytical and comparative historical methods.

Discussion

In our article “The Language of the Volga Bulgaria Population in the Light of New Research” [3], we note that of the two dialects – the *r*-dialect with its rotacism and the *z*-dialect with its zetitization – eventually, the winner was the *z*-language as a result of a long symbiosis and due to the gradual increase in the proportion of the Kypchak tribes. However, the literary koine of Volga Bulgaria was formed in a mixed format due to the intense influence of the Karluk-Uigur literary language of the Karakhanid state with the cities of Kashgar and Balasagun, as well as the

literary language of the Oguz-Kypchak type from the Syr Darya and Aral Sea region, which later fell under the influence of Khorezm. To be more precise, the Oguz-Kypchak *z*-language was also supplemented with Uighur inclusions. In addition, the Tokuz-Oguz (“mixed Oghuz” – Uighurs), who penetrated into the territory of the Burtases and Bulgars from the south-east, also had a certain impact on the part of Uighurisms [4].

In the poem “Kyysai Yusuf” by Kul Gali, we observe the mixed Oghuz-Uigur-Kypchak language. In Turkology, disputes concerning the birthplace of this monument have not settled, so far. Not all Turkologists and linguists agree with the idea that this immortal work belongs to the literary koine of Volga Bulgaria. Thus, the linguist Emir Najip announced that the poem was created in Khorezm of Central Asia, since in its language, Oguz elements prevail over Kypchak ones [5]. In his study, orientalist A. Tagirdzhanov refuted this idea concerning the origin of the monument. The scholar proved that Emir Najip’s conclusions were not supported by historical and linguistic facts. After the Mongol invasion in Khorezm, the conditions were not favourable for the development of literature. As we know, in 1220–1221, the Mongols, having killed the population, completely destroyed Sygnak, Urgench and other cities of Central Asia. This led to the disappearance of the stratum of educated people and the destruction of cultural values. Complete

absence of literary monuments, dating from the first half of the 13th century, clearly indicates that cultural and economic life in Khorezm had not been restored for a decade, that is, by the time Kul Gali's poem appeared [6, p. 50].

As a result, E. Najib was forced to correct his hypothesis about the place of the poem "Kyysai Yusuf" creation. The researcher named the region of the Lower Volga, the alternative environment of the Oguzes, surrounded by the Kypchaks [7, p. 85]. For many years, the literary critic N. Khisamov also adhered to this hypothesis. In his study, he named the city of Saksin in the Lower Volga region as the birthplace of the monument [8, p. 230]. However, judging by the historical sources of that time, Saksin did not have the necessary conditions for the emergence of such a large-scale work due to the Mongol invasion and the lack of recorded literary traditions. "The draft variant of Yakut's Geographical Dictionary, completed in 1224, describes the first Mongol invasion of Europe (through Derbent) and consistently lists the conquest of the Khazars, Alans, Russian lands, Saksin and the Kypchak steppes. The Russian chronicles mention the Saksin people (obviously, residents of the region and the city of Saksin) who went with the Cumans to Bulgaria during the Mongol attack (this information was recorded under the year of 1229). Obviously, Saksin fell into decay after the Tatar-Mongol conquest" [9, p. 96].

In recent years, following his opponents, N. Khisamov has corrected his version concerning the poem's origin, adhering to the information given in "Tavarikh-i Bulgaria" by T. Yalchygul (late 18th–early 19th centuries). The literary critic states that the facts are of semi-legendary nature, extracted from the earlier sources, in particular, from "Davtar-i Chingiz-name" (the end of the 16th century), "Farkhangname", "Tavarikh-i davakr", etc. Some of them contain chronologically confusing information about the pogroms of the Bulgars (Bilyar), attributed to the lame Timur instead of the Mongol army. According to this information, during this pogrom, four famous beks were executed, among them was a man who called himself Kul Gali [10, p. 188–189].

The work of the same name "Tavarikh-i Bulgaria" by another author, Muslimi, reports that Timur (read: the army of the Mongols), after Bulgar, on his way, destroyed the city of Kashan [cited from: 11, p. 148], which, according to the tahallus-pseudonym of the author of "Kyysai Yusuf" ("Man Kashani, zagyyf band, atym Gali." – "I am from Kushan, a weak slave, my name is

Ali") was the homeland of Kul Gali. Based on this information, J. Almaz made a completely logical and reasonable conclusion that this poem was written in Volga Bulgaria [12].

This conception was supported by Prof. G. Tagirdzhanov [13] from Leningrad University, researcher F. Faseev from G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art [14] and Prof. R. Ganieva from Kazan University [15]. According to R. Ganieva's research, it was Volga Bulgaria, which at that time was in the period of the Muslim Renaissance, that had the most favorable conditions for the appearance of such a classic work as "Kyysai Yusuf" [15].

Continuing our predecessors' research, we decided to study another poem that is directly related to the region of the Middle Volga region, as an additional, but very serious and convincing material in favor of the Bulgar origin of this work. We mean the poem "Ana və uyl" ("Mother and Son") by an unknown author, which, like the historical "The Song of Kashan", was preserved in the researcher Zainap Maksyudova's personal archive. We introduced this poem into scientific circulation with the blessing of this noble woman [4, pp. 258–263]. According to the widespread tradition of that time, the action of the poem is set in a southern city. Judging by the Uguz-Kypchak lexis, phonetic and grammatical features of the language, which are very similar to the language of "Kyysai Yusuf", by the expression in the work, which links this area to a relatively northern geographical zone, that is, to the latitude of Bulgaria, this work was clearly created in the same region and at about the same time (or a little later) as "Kyysai Yusuf".

The work "Ana və uyl" starts with a tragic conflict between a mother and her son¹ occurring

¹ A tragic collision arose after the son saw in a dream one day how he accidentally gouged out his mother's eye and was sentenced to death at the stake. The dream turned out to be a reality. In the morning, the son told his dream to his mother and, due to dramatic experiences, flatly refused to take from her hands a piece of bread given out for lunch in the madrasah, stating that, after such a terrible dream, he would fast for 40 days and would not talk to anyone. And just when he was stubbornly brushing off the bread offered to him, the son inadvertently knocked out his mother's eye. Horrified by what had happened, he "Took a knife to stab himself, / To give his soul to God for the sake of his mother" ("Pychak aldy kəndü yzin ormaga, / Anasy öchyn kəndü janyn virməgə").

The ghazi warriors of the prophet Muhammad rushed at the boy and, having subjected him to various tortures,

when “the spring day was long and the night was short” – “yaz koni irdi – uzun, toni kyska” [cited from: 16, p. 264]. This disproportion between the two halves of the day undoubtedly corresponds to the geographical zone we are considering in our study. Moreover, in all likelihood, such a description is associated with the place of residence of the author himself, since he automatically included this expression in the region where the Kagba (Saudi Arabia) is located. As we know from different sources, foreign travelers Ibn Fadlan (the 11th century) [17] and al-Garnati (the 12th century) [9], who arrived in Volga Bulgaria from the south, were not without reason very surprised at the fact that in the summer, the day is much longer than the night. These messages are related to the summer solstice, however, as it is correctly written in the poem, the days in the latitudes of the Middle Volga region begin to lengthen in the spring.

If the poem “Kyyssai Yusuf” tells about the selfless love story of a father and son, full of drama and spiritual experiences, then the mutual love of a mother and her son is praised in “Ana və uğyl”. Such love is the highest form of the Platonic (chaste) love manifestation and, being an example of a disinterested, deeply moral holy feeling in Sufi symbolism, it is also interpreted as the love reunited with a great feeling of love for the Almighty. In a word, both in spirit and purposefulness, both works correspond to the atmosphere that prevailed in the Middle Volga region in that period.

As we know from the history of Islam, in the 12th – 16th centuries, that region was strongly influenced by “Yasaviya”, the Sufi order-tarikat from Central Asia, the mystical poetry of its creator Ahmed Yasawi and his disciple Suleiman Bakyrğani. This can be explained by the fact that the “Yasaviya” tariqa did not oppose the official religion of Volga Bulgaria, its canons and prescriptions; on the contrary, it functioned as a monotheistic movement, recognizing the uniqueness of Allah.

Interestingly, in both analyzed poems, the severe torments and tortures experienced by the

individual characters are considered as a punishment for their sins, sent down by Tengri.

Kul Gali “Kyyssai Yusuf”	“Ana və uğyl”
“Ayder (Yusuf): ‘Взңбу kazany Тзңге virde’, – said (Yusuf). “Tengri has sent me these torments”. (interlinear translation by M. B.)	“Neylän, bu kaza Tänredän kälde bana”. – “What shall I do, Tengri has sent me these torments”.

Those were precisely the times when the establishment and strengthening of Islam was accompanied by the believers’ identification of the name of Muslim Allah with the usual Turkic name for the pagan, but the only god Tengri. And it should be especially noted that such works, which showed the greatness of Allah and the miraculous deeds of Islamic prophets, were created in Volga Bulgaria to promote and strengthen the Muslim religion, or they penetrated from outside. The works “Kisekbash” (“The Severed Head”), “Jumjuma Sultan” and “Kyyssai Avuk” are convincing examples of this fact.

In the poem, the part of the vocabulary, we are interested in, are archaic words, which, as M. Kashgari notes, are common to the Kypchaks, Oguzes, Suvars and Bulgars: *azak* – a foot, *teve* – a camel [18, p. 66]. At the same time, we encounter features that are characteristic of the Bulgar language reflected in the epitaphs. This is, in particular, the use of *яç* (parallel with *ü*) at the beginning of words: *яçан* (y), *яçан* (ymyz) – the soul, *яçihan* – the world, as well as participial forms and verb names with the addition of the affix *-mysh / -mesh*, which is an Uighur-Ughuz element: *dot-mysh* – to have, *ker-mesh* – to enter, join, *virtmesh* – to give, give away. The same words and features of the local dialect are also characteristic of the poem “Kyyssai Yusuf”: *azak* – a leg, *təva* – a camel, *яçihan* – the world, *яçан* – soul, *яçəmlə* – everything, all, *яçigərenne* – one’s own strength, *dotmysh* – to have, *kermesh* – to enter, *satmysh* – to sell.

In the analyzed poems, the presence of Uighur linguistic features, formed under the influence of the Karluk-Uyghur literary language traditions of the Karakhanid state (the work “Kutadgu bilig” by Yusuf Balasaguni and the dictionary “Divani lugat-at-turk” by Mahmud Kashgari), along with the Oguz-Kypchak isoglosses and the “Uighurisms” that penetrated from the Tokuz-Oghuz language into the territory of Bulgaria itself [4] can be substantiated by other examples. So, in our

threw him into the flames of a specially lit hearth. When the mother, who at first cursed and refused to forgive her son, was shown the scene of his punishment, her heart could not stand it, and she threw herself into the fire after him, preferring death and self-sacrifice to the painful contemplation of her son's death. Soon, the prophet Muhammad saved both of them from death [4, p. 260–262].

opinion, the following isoglosses definitely belong to them:

1. From the poem “Kyysai Yusuf”: a) negative forms of the verb with the affix *-maz / -maz*: *kalmaz* – not to stay; *toymaz* – not to get enough; *kurmaz* – not to see; *belmaz* – not to know, *kəlmaz* – not to come; b) names or words formed from verbal stems with the help of the affix *-yg / -ug / -ag*: *cap* – close > *kapyg / kapug* – a door, a gate | *kuru / kury* – to dry, dry up > *kurug / kuryg* – dry, withered | *yara* – to get along, make > *yarag* – settling, making | *tat* – to taste, eat > *tatlug / tatlyg* – delicious, sweet; c) the words that retained the voiceless sound *k* in the middle the stem: *bakar* – to look, *chykar* – to bring out; d) words of the imperative-desirable mood, formed from the stem of the verb with the help of the affix *-gyl / -gel* and *-kyl / -kel*: *vargyl* – go, *dotgyl* – hold, *belgel* – know, *kəlgel* – come; e) verbs of the future and present indefinite tense, coming from the early Uyghur monuments: *virersən* – you will give, *sorarsən* – you will ask, *sachuserman* – I will sow, *kurməyasez* – you will not see. The isoglosses given by us are directly related to the canons of the Uighur language [19].

2. Examples from the poem “Ana və uğyl”, similar and identical with the corresponding Uighurisms from the poem “Kyysai Yusuf”: a) *kuymaz* – not to put, not to leave, *yimaz* – not to eat, not to take possession; b) *kat* – harden, become hard > *katyg* – hard, stiff, harsh | *cap* – to close > *kapug* – a door, gate | *uyu* – to sleep > *uyku* – dream | *kork-at* – good, become beautiful > *koreklek / kureklek* – beautiful; c) *bakar* – to look, *chykar* – to bring out, *ayakym* – my leg; d) *torgyl* – get up, *kyrgel* – look, *kitkel* – go away, *dimagel* – don't say, don't say; e) *yiyasən* – you will eat, *dīyasən* – you will tell, *tapmayəsən* – you will not find, *kyrməyəsən* – you will not see.

In his time, in the language of the poem “Kyysai Yusuf”, the prominent Turkologist-linguist E. Tenishev, like N. Baskakov, identified traces of the above-mentioned influence of previous literary traditions from the two centers of Central Asia [20], which were created by three language groups. This is the eastern tradition of the Karluk-Uighurs, territorially belonging to the Karakhanid state with the cities of Kashgar and Balasagun, and the second is the western tradition, belonging to the mixed population of the Syrdarya and Aral Sea regions. It consisted mainly of the Oguzes, and partially of the Kipchaks who penetrated from the east, expanding their territory, and merged with a certain part of them that did not

go to the west [20]. The influence of the same traditions, as the above examples confirm, we see in the language of the poem “Ana və uğyl”.

At the same time, we recorded words and phrases of a regional nature in the poem “Kyysai Yusuf”, in addition to the above-mentioned tahallus-pseudonym of the poet, which is directly related to the name of the Bulgarian city of Kashan (Kushan). For example, these are the words not recorded in the ancient Turkic dictionary: *brak / birok* – to throw | *sil* – to wipe // *sāl* (Chuv.) – “the same” ~ *sölge* (Tat.) – a towel for wiping | *tok-* / *tokan* – to light, to fan the fire // *tokan-dyru* (Tat. dial.) – “the same” | *dagla* – to burn, to be on fire // *day / dagъ* (old Tat., Bashk.) – “the same”. The same local words are found in the poem “Ana və uğyl”. In addition, this poem contains unique information indicating the lengthening of the day in spring, which corresponds precisely to the geographical coordinates of the Middle Volga region, not the coordinates of the southern regions, including Central Asia.

Another striking peculiarity in the language of the poem attracted our attention. We mean the use of the sound *v* (*v*, *w*) in the initial position of words instead of the generally accepted *b*. For example, in epitaphs and personal names on the territory of Bulgaria: *vun* (*uyn*) – ten, *vechem* – the third, *vātār / vutur* – thirty, *Vyrakh* – the name of the Suvar bek (prince)². The similar phenomenon, that is, the use of the prosthetic *v* in anlaut, we notice in the Chuvash language: *vut* – fire, *vārman* – forest, *vulim* – my son. In the neighboring Finnish languages contacting with the Bulgars, in particular in Mari and Mordovian, anlaut *v* (*v*) acts as an active and stable phoneme in the composition of numerous words.

This local linguistic pattern, which escaped the attention of researchers and manifested itself in the literary language of the Bulgar state, is found in the works we have analyzed. Thus, in the poem “Kyysai Yusuf” we read: “Hər kalamnen (suzneñ) asly vardyr, fasly (uryny) var”. – “Each word has its own meaning, its own purpose” (lit. *place*). In

² The linguist-Turkologist M. Zakiev believes that this word, fixed in the Arabic original of the Meshkhed list of Ibn Fadlan's records as *ویرغ* – *virg*, was distorted by the translator [21, p. 325]. In our opinion, it, its etymology not yet established by anyone, is identical to the word *eriq* ‘dexterous, agile’ [22, p. 117], which was given to male children. For, if we remove the prosthetic consonant *v* from the word *virg*, recorded by Ibn Fadlan through ‘i’ by ear, then the root *irg* → *erig* → (*g□k*) *erik* remains.

the poem “Ana və uɣyl”: *var irde* – was; *Ailem virmesh ide* – imparted knowledge, taught; *vardym man* – I went. There are many Turkic words with the initial *v* (*v*) in these poems.

It should be emphasized that this original linguistic phenomenon is not found in the Central Asian literary monuments. Neither in the poems of Yasawi, nor in the Karluk-Uigur monument “Kutadgu bilik”, nor in the texts of both written and folk poetry from “Divani lugat at-Turk” can we find the cases of the *v* (*v*) use at the beginning of a word, with the exception of certain Arabic-Persian words. As a rudiment or as a residual phenomenon of the early literary koine (including the language of epitaphs) of the Bulgar period, it is found, and even then very rarely, in the poems of Umami Kamal (between the 14th and 15th centuries). Later, in the works of the Kazan poet Mahmud Muhammadyar, the use of the anlaut *v* instead of *b* in Turkic-Tatar words completely disappears.

However, all this does not mean that such a phenomenon might not be characteristic of the colloquial language of a certain part or group of the Tatars, that is, of any of their dialects. As we have established in our studies, the traces of an anlaut *v* (*v*), alternating with “b” or prothetic (from French prothese ‘addition’) character, just like archaic examples of rotacism, were preserved mainly in the Mishar group. Such a linguistic phenomenon is explained by the fact that the Mishars are the ethnic mass who, like the Bulgars, according to the leading experts, was formed due to the mixing of Turkic-speaking and Ugrian-speaking groups. This is how the well-known ethnographer R. Mukhamedova wrote about it: “... we have repeatedly pointed out the presence of the Finno-Ugric layer in the everyday life of the Mishars, which cannot be explained only by the influence of the culture of Finnish-speaking neighbors” [23, p. 407, 409]. The close participation of the Ugric substratum in the Mishar language is also recognized by the linguist R. Akhmetyanov [24, p. 198]. To confirm the presence of isogloss phenomena common with the Bulgars in the dialect of these dialect groups, we, firstly, provide examples of rotacism ($r \leftrightarrow z$) discovered by us: *Sar-Saz* – *sar* (Ugro-Finnish) – swamps, hence the adjective “marshy”) // *saz* (Turk.) – “the same” | *chayer* – resin, chewing gum // *sagyz* – “the same” | dial. *tymyryk* – dryness, cold // *tymzyk* – severe frost | dial. *tiris* – the reverse side, inside out // *tiskare* – “the same” | *nergə* / *nigyr* (Udm.) – base, foundation // *nigəz* – “the same”. Such examples as relics have been

preserved despite the fact that the Mishars were under the leveling influence of the Kypchak-Tatar language for a relatively long time.

And here are the examples of the anlaut *v* (*v*) from the lexicon of different Mishar groups noted in the “Great Dialectological Dictionary of the Tatar Language” [25]: *vəke* – a hole in ice // *bəke* (general Tat. koine) – “the same” / *vyrgytu* – to throw / / *yrgytu* (general Tat.) – “the same” | *vyrkyldau* / *bakildau* | *vyzhgu* / *syzygyru*, *vyzlatu* – incite, tease | *vəhge* – a white willow (əyanke) | *vaḗqaga* – lightning / *aḗqagan* (general Tat.) – “the same” | *vernŷ* – to cry // *ərnŷ* (general Tat.) – to whine | *vel-vel* – to flicker.

In our opinion, the sporadic manifestation of the anlaut *v* (*v*) in the Bulgarian epitaphs and literary monuments is a consequence of the mixed Ugro-Turkic character of the Bulgar language, its traces preserved, as it turned out, in the Caucasian languages that contacted with the Bulgars in their time. Here are the examples from the modern languages of Dagestan, which the linguists of the Caucasus region rightfully consider to be an ancient Bulgarian substratum: *vari* (lac.) – a son // *uri* (Old Turk.) – a son | *varan* (lac.) – long // *uzun* (ancient Turk.) – “the same” | *viura* / *vira* (lac.) – gruel from oatmeal, fig.: *goo*, *slipslop* // *ügrä* (ancient Turk.) – liquid porridge ~ *əyrə* (Tat.) – soup with cereals, stew | *vu* (lac.) – to spill // *ju* (ancient Turk.) – to wash [26, p. 15–23] | *varkanat* (Kumyk) – a bat // *yarkanat* (Tat., Uzbek) – “the same” [27, p. 22].

As for the numerous cases of such word formation in the Chuvash language, this, in our opinion, is largely due to the dominant role of the Finno-Ugric system of phonology and word formation, which actually began to take shape even before the arrival of the Bulgar tribes, and the subsequent influence of the Mari, Mordovian and Udmurt languages, close in spirit to the Chuvash, because the anlaut phoneme *v* (*v*) is very active in the lexicon of these languages belonging to the Finno-Ugric family.

If we seriously think about it, then the discrepancy between the literary koine of Central Asia, including Khorezm, and the literary language of Volga Bulgaria convincingly testifies in favor of the Middle Volga³ region as the place where the

³ M. Rasyanen claims that in the Old Turkic language *v*- in the initial position is never found [28]. B. Serebrennikov also believes that “... at the disposal of science there are no data on its existence. In the most ancient written monuments of the Turkic languages, as is known, *v*- is not registered in the initial position (cf.

poems “Kyysai Yusuf” and “Ana və uɣyl” were created.

Among other things, in the analyzed poems, there are many words of another, archaic nature, which are also parallel in character: *imdi / emdi* – now, *ytmek* – bread, *el* – a hand, *könesh* – sun, *kelech* – a word, *geyret* – a woman, *irte* – to look for, *eitesen / yitesen* – to lose, *chakyr* – to shout, *binzer* – similar, *brak* – to throw, *bañ* – to sob, *chevur* – to turn, *yoky* – to run out of, exhaust, *yavlak* – very much; including the Arabic-Persian words *cherk* – a wheel, *sokhbet* – communication, etc. Some words are of local character. For example, *sil* – to ‘wipe’ has been preserved to this day among the Chuvash. In Tatar, the word *sölge*, a towel, stems from this word. In ancient Turkic and Tatar there is, perhaps, the word *sürt* and *sört* related to this stem and meaning to rub, wipe. The archaic word *tokan (tokandyru)* ‘to ignite, inflate’ is completely absent in the “Old Turkic Dictionary” [22] and in the dictionary “Experience of the Dictionary of the Turkic Dialects” by V. Radlov [30]. The same should be said about the word-verb *dag- / dagla* meaning ‘to burn, lament’.

The mixed type of language in the poem “Ana və uɣyl”, as well as the poem “Kyysai Yusuf”, manifests itself not only in the composition of its vocabulary, but also in the dual nature or two-variant phonetic design of a number of words: *datly – tatly, dosh – tosh, uda – utta, var – bar, vir – bir, azak – hayak, ban – man, açir – yir, açan – yan, açikärçü – yikärçü, irdi – go, buen – muen, al – kul, katun – khatun, at – atkyl, dima – dimagel*. This, of course, is due to the incompleteness, the ongoing process of the literary language composition in that period of time, the influence of local dialects and the prevailing colloquial koine. While in the 17th–18th centuries, in the written monuments of the Kazan Khanate period, phonetic discrepancies and Ughuz, especially Uighur elements, are sharply reduced and leveled due to the strengthening of the Kipchak layer in the Middle Volga region.

In the work “Ana və uɣyl”, the grammatical forms reflect the Uguz-Uigur-Kypchak traditions, and, as a rule, the archaic forms of the verb declensions in both poems are identical.

the words of the Yenisei-Orkhon monuments such as *uruš* “battle”, but Chuvash. *věrz’ě* “war”, *on* “ten”, but Chuvash. *vun*”). Here, the researcher completely refutes N. Baskakov’s attempt to prove the presence of this anlaut sound in the Old Turkic language, as well as the hypothesis of the primacy of the Chuvash prototypical *v-*, due to the lack of sufficient grounds [29, p. 71–72].

«Үтмәк алгыл, анда варуб иййәсэн,
Бу дөшеңне остадыңа дийәсэн». –
“Take the bread, come, eat there,
And tell this dream to your teacher”.
«Бире килгел, ахыр күргел хәлеми,
Куртар имди ушбу утган, хәллили». –
“Come over here, see what state I’m in,
Save me, I beg you, from this fire, have mercy”.
 (“Ana və uɣyl”)

«Гаурәт әйдер: „аһ Ягкуби нә сорарсән,
Тиз варырсын, нә деләрсән, нә кеше сән?“» –
“The woman said: Why are you interested in
Yakub,
Are you in a hurry, where are you from, what do
you want?”

«Анлар әйдер: „Коллыкка разый улгыл,
Дәлең берлә син дагы икьрар кылгыл“». –
“They said: Accept your slavery,
Confirm it with your own lips.”
 (“Kyysai Yusuf”)

As you can see, the linguistic indicators in the two analyzed poems are very similar and in many respects even coincide. Moreover, both works are written in the *z*-dialect or language. This speaks of the commonality, uniform character of the literary language in Volga Bulgaria, which was in the process of its formation and consolidation. It is not known whether there ever appeared and existed a literary language with the *r*-language or dialect, in which certain works were created.

Most likely, due to the commonality of the basic common Turkic vocabulary and due to the very limited number of vocabulary with rotacism, let alone with lambdaism, such a literary language, apparently, never came into existence. We have, for example, an inscription of 1220 on a golden bowl, read by the expert on ancient Turkic languages and dialects L. Tugusheva, which she defined as belonging to the style of the Volga literary language (cited from: [31, p. 627]). Although this text contains the rotational word *jür* (*/yøz* – one hundred), it is actually written in the generally accessible common Turkic language: “Sənätü hәzrät Mәkәdin Mәdinәgә bargali alti jür un jeti”. – “In the year: since the Hazrat <Mohammed> left Mecca for Medina, six hundred and seventeen <years>”.

On the other hand, we are all well aware that in Bulgaria a peculiar ritual variant of the literary language was created with *r*- and *z*-elements and Arabic-language inclusions – these are, of course, epitaphs. These epitaphs or tombstones, depending on the possession of *r*- or *z*-elements, are

considered to be separate linguistic styles, the first of which were conservative in nature.

According to the tradition, established in the Muslim East, Arabic was the literary language of science in Volga Bulgaria. In the report of al-Garnati, who visited that country, this is evidenced by the Bilyar qadi Yakub ibn Nugman's work on the history of Bulgar, which has not reached us, as well as theological literature (interpretations of the Koran, written fixation of hadiths), associated with the name of the Bulgar qadi Abdulla Hamid ibn Idris al-Bulgari (the 12th century), Sh. Marjani writes about it referring to ancient sources (cited from: [6, p. 31]).

Returning to the language of the poems "Kyyssai Yusuf" and "Ana va ugyl", we would like to focus on the archaic word *terk* with rotacism (ancient Turk.) – quickly, soon // *tezig* (ancient Turk.) – "the same". This word, as far as we know, was first recorded in writing in a 10th-century monument. "Altyn yaruk" (the full name is *Altun öñlüg jaruq jaltryklyy qopta körülmis nom iliki altuy nom*), that is, a book entitled "Exalted King-Book Shining with a Golden Brilliance Above All". This sutra-book of Buddhist content was translated from Chinese into Uighur by Seli Tudun, a resident of the city of Bish-Balyk in the tenth century (930). We believe, in the lexicon of this translator, the word *terk / tärk*, with a rotational isogloss, most likely appeared as a result of the contact of the Tokuz-Guz (Uyghurs) and the Eastern Ugrians-Sapirs-Mansi as early as during their being part of the Turkic Khaganate or the Uighur Khaganate (the Uyghur kaganate).

Further, the rotational word *terk / tärk* was used in the monument "Divan lugat-it turk" (1072–1070) – "Dictionary of the Turkic Dialects" by Mahmud Kashgari and in the poem "Kutadgu bilig" (1069–1077) – "Knowledge about Happiness" by Yusuf Balasaguni. These two monuments, as is clear from the pseudonyms of their authors, were created in the cities of Kashgari and Balasaguni, which were the cultural centers of the Karakhanid state with the Central Asian Karluk-Uigur literary language.

After the Uighur Khaganate had ceased to exist, a group or a part of the Tokuz-Guz merged with the speakers of these languages in the region south of the Tien Shan and brought into their lexicon the word *terk / tärk* of the *r*-dialect, which arose in the region of Central Asia as a result of their interactions with the Ugrians, (the same word, by the way, in its transliterated form *türgen*, penetrated into the Mongolian language). The

Karakhanids expanded their influence to the Aral and Syrdarya Oghuz-Kypchak tribes, which were the second literary center of the Karakhanid state [32, p. 168]. Later, the Syrdarya tribes entered the lands of Khorezm, where, before the invasion of the Mongols, the second Central Asian literary koine developed on the basis of the Oghuz-Kypchak language.

In the early 13th century (1212~1236), apparently under the influence of the language of literary monuments created as early as in the 11th century in the Karakhanid state, or through the Tokuz-Guzes, who penetrated and joined the population on the territory of Volga Bulgaria [4], the rotational word *terk / tärk* as a superstrat appeared in the poem "Kyyssai Yusuf"⁴, which linguistically is basically an Oghuz-Kypchak work with inclusions of Uighurisms. Moreover, it is a very interesting and quite understandable fact that the same word is also found in the poem "Ana va ugyl"⁵, written in the common literary koine in the same Bulgaria. If we take into account the indisputable fact that the archaic lexeme *terk* went out of use altogether after the invasion of the Mongols, then all this, including the similarity and commonality of the main vocabulary and grammatical forms, once again proves that the two poems belong to approximately the same period and to the literary tradition, prevailing in the Middle Volga.

In his problematic study, A. Tagirdzhanov very successfully and appropriately uses the type of versification, found in this work, in order to confirm his concept of the Bulgar origin of Kul Gali's poem "Kyyssai Yusuf". He correctly and judiciously notes that more and less major works that appeared in Central Asia ("Kotadgu bilik", "Khibat al-khakaik") and in Khorezm ("Mu'in al-murid", "Mahabbat-name", "Dastan-i Jumjuma Sultan") were written in Aruz⁶. Only the poems by the Sufi poets Ahmad Yasawi, Bakyrani and others, associated with folk art,

⁴ «Мөсаллим тэрклэйү кирү кэлди,
Бу эхвали атасына хэбэр вирди». –
"Mussalim soon came back,
And told father what had happened".

⁵ «Анасы эйтүр: эй, угълым, күзим нури,
Намаз вакты булды, тэрк торгыл, диде». –
"Mother said: Oh, my son, the light of my eyes,
It's time to pray, get up quickly, she said".

⁶ Aruz is a versification of classical poetry based on the alternation of long and short syllables. In the Turkic language, long syllables were usually rendered as closed syllables, i.e. ending in a consonant, and short syllables as open syllables (ending in a vowel).

were written using syllabic meter⁷. Influenced by Ahmad Yasawi, the Anatolian Sufi poet Yunus Imre also composed his Sufi poems in syllabics.

“Hence, the conclusion suggests itself,” writes the researcher, “that Gali’s “Kyyssai Yusuf” arose among the Bulgar people, far from the influence of Farsi literature, among the people who were not accustomed to reading verses written in Aruz. Other poems that arose in Bulgar (“Badavam Kitaby”, “Kisek bash kitabi”, etc.) were also written using syllabic meter” [6, p. 52–53].

Results

Our analysis of the linguistic features of the poems “Ana və uyl” and “Kyyssai Yusuf” clearly indicates that both works were created on the territory of the Middle Volga region.

Conclusions

The poem “Ana va uyl” was written by an unknown poet using syllabic meter. The text of this work that we have in our hands (the manuscript consists of 123 couplets, that is, of 246 lines) has certain flaws and unpreserved or illegible and corrupted places. According to the literary critic Najip Ismagilov, he saw an incomplete text of this work in the Manuscript Department of the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies. This means that in the future it will be possible to combine the two texts and enter the restored full text of this work into an anthology on Bulgar-Tatar literature or publish this poem, representing the unique heritage of our ancestors, as a separate edition.

References

1. Yakhin, A., Bakirov, M. (1979). *Fol'klor zhanrlaryn sistema itep tikshery tæçribæse: (Mæzæklær, bætlær)* [The Experience in Systematic Folklore Genres Studies: (Jokes, Bayts)]. 198 p. Kazan, Kazan un-ty nəshr. (In Tatar)
2. Bakirov, M. Kh. (2001). *Shig"riyat bishege* [To the Cradle of Poetry]. Gomumtörki poehziyanen yaraluy hêm in boryngy formalaryov. 344 p. Kazan, Mægarif. (In Tatar)
3. Bakirov, M. Kh. (2022). *Yazyk naseleniya Volzhskoi Bulgarii v svete novykh issledovaniï* [The Language of the Volga Bulgaria Population in the Light of New Research]. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*. 1 (67), pp. 21–29. (In Russian)
4. Bakirov, M. (2021). *K voprosu o proiskhozhdenii tuguz-oguzovskikh elementov v bulgaro-tatarskom literaturnom yazyke*. [On the Origin of Tokuz-Oghuz Elements in the Bulgar-Tatar Literary Language]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. 4 (66), pp. 23–28. (In Russian)
5. Nadzhip, E. N. (1976). *O yazyke pamyatnika nachala XIII veka “Kyissa-i Yusuf” Ali* [On the Language of the Monument “Kyissa-i Yusuf” Ali of the Early 13th Century]. *Sovetskaya tyurkologiya*. No. 2, pp. 74–78. (In Russian)
6. Tagirdzhanov, A. T. (1970). *Vliyanie poehmy Firdousi “Iusuf i Zuleikha” na “Kyissai Iusuf” ‘Ali i “Iusuf i Zuleikha” Shaiiad Khamzy* [The Influence of Ferdowsi's Poem “Yusuf and Zuleikha” on “Kyyssai Yusuf” by Ali and “Yusuf and Zuleikha” by Shayyad Khamza]. *Palestinskii sbornik*. Vyp. 21, pp. 46–61. (In Russian)
7. Nadzhip, E. N. (1966). *O dialektnom sostave yazyka Kutba* [On the Dialect Composition of the Kutba Language]. *Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov*. T. 4. Baku, pp. 85–89. (In Russian)
8. Khisamov, N. (2014). *Kol Gali. “Kyissai Iosyf” dastany* [Kul Gali. “The Epic of Joseph the Storyteller”]. *Tatar ædæbiyaty tarikhy*. T. 1, pp. 226–239. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
9. al-Garnati, Abu Khamid Mukhammad (1080–1169) *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Evropu. (1131–1153 gg.)* (1971) [Abu Hamid al-Garnati's Journey to Eastern and Central Europe]. *Publikatsiya O. G. Bol'shakova, A. L. Mongaita*. 133 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
10. Khisamov, N. Sh. (2021). *Kol Gali* [Kul Gali]. *Tatar ædæbiyaty tarikhy*. T. 1, pp. 182–204. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)
11. Usmanov, M. A. (1972). *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII-XVIII vv.* [Tatar Historical Sources of the 17th-18th Centuries]. 223 p. Kazan', izd-vo KGU. (In Russian)
12. Almaz, D. (1960–1961). *“Kissa-I Yusuf Ali” – bulgaro-tatarskii pamyatnik* [The Bulgar-Tatar Monument “Kyyssa-I Yusuf Ali”]. 11 p. Moscow, izd-vo vost. lit. (In Russian)
13. Tahirjanov, Gabdrakhman. (1970). *Tarikhtan – ædæbiyatka* [From History to Literature]. 167 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
14. Kol Gali (1983). *Kyissai Iosyf* [Joseph the Storyteller]. Töp tekstny æzerlæyche keresh mækalæne, iskærmæ hêm kul"yazmaların tasvir lamalaryn yazuchy Fasiev F. S. 543 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Russian)
15. Ganieva, R. K. (1988). *Vostochnyi Rennessans i poeht Kul Gali* [Eastern Renaissance and Poet Kul Gali]. 172 p. Kazan', izd. KGU. (In Russian)
16. Bakirov, M. Kh. (2013). *Bolgarlarga totashkan tamrylarybyz (Nashi korni, svyazannye s bulgarami)* [Our Roots Connected with the Bulgars]. *Kazan utlary*. No. 9, pp. 136–155. (In Tatar)

⁷ Syllabic verse is based on the same number of syllables in lines, divided by caesuras (word divisions) into rhythmic units. Brevity- duration, as well as stress-unstressed syllables are not taken into account. In order for the rhythm to be perceived evenly and without distortion, the lines are divided into commensurate parts – rhythmic links or groups with the help of caesuras (word divisions).

17. Kovalevskii, A. P. (1956). *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The Book of Ahmed Ibn-Fadlan about His Journey to the Volga in 921–922]. 347 p. Khar'kov, izd-vo Khar'k. un-ta. (In Russian)
18. Koshgari, M. (1957). *Devani lugat it-turk* [Devani Dictionary It-Turk (Encyclopedic Dictionary of the Turkic Language)]. T. 1, 460 p. Tashkent. (In Uzbek)
19. Nasilov, V. M. (1963). *Drevneuigurskii yazyk* [Old Uyghur Language]. 122 p. Moscow, izd-vo vost. lit-ry. (In Russian)
20. Tenishev, E. R. (1987). *O yazyke poehmy "Kyissa-i Yusuf" Kul Gali* [On the Language of the Poem "Kyissa-i Yusuf" by Kul Gali]. Poet-gumanist Kul Gali. Pp. 133–137. Kazan'. (In Russian)
21. Zakiev, M. Z. (2003). *Proiskhozhdenie tyurkov i tatar* [The Origin of the Turks and Tatars]. 446 p. Moscow, Insan. (In Russian)
22. *Drevnetyurkskii slovar'* (1969) [Ancient Turkic Dictionary]. Red. V. M. Nadelyaev i dr.; AN SSSR. In-t yazykoznaniiya. XXXVIII, 676 p. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie. (In Russian)
23. Mukhamedova, R. G. (2014). *Osnovnye etnicheskie komponenty v sostave tatar-mishar (po dannym etnografii)* [The Main Ethnic Components in the Composition of the Mishar Tatars (based on ethnography data)]. Sbornik nauchnykh statei i ocherkov. Pp. 406–410. Kazan', Ikhlas. (In Russian)
24. Akhmet'yanov, R. G. (1978). *Sravnitel'noe izuchenie tatarskogo i chuvashskogo yazykov* [A Comparative Study of the Tatar and Chuvash Languages]. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
25. *Tatar telenež zur dialektologik syzlege* (2009) [Large Dialectological Dictionary of the Tatar Language]. Tez.: F. S. Bayazitova i dr. 839 p. Kazan, Tatar. kitap nashr. (In Tatar)
26. Dzhadalaev, N. S. (1990). *Tyurkizmy v dagestanskikh yazykakh* [Turkisms in Dagestan Languages]. Opyt istoriko-ehntimologicheskogo analiza. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
27. Dzhadalaev, N. S. (1985). *Aktual'nye problemy predmeta tyurko-dagestanskikh etnoyazykovykh kontaktov* [Current Problems of the Subject of Turkic-Dagestan Ethno-Linguistic Contacts]. Tyurko-dagestanskije yazykovye vzaimodeistviya. Pp. 23–26. Makhachkala. (In Russian)
28. Rasyanen, M. (1968). *Ob uralo-altaiskom yazykovom rodstve* [On the Ural-Altai Language Relationship]. Voprosy yazykoznaniiya. No. 1. (In Russian)
29. Serebrennikov, B. A. (1960). *O nekotorykh spornykh voprosakh sravnitel'no-istoricheskoi fonetiki tyurkskikh yazykov* [On Some Controversial Issues of Comparative-Historical Phonetics of Turkic Languages]. Voprosy yazykoznaniiya. No. 4, pp. 62–72. (In Russian)
30. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii V. V. Radlova* (1963–1964) [The Experience of V. Radlov Dictionary of Turkic Dialects]. Moscow, St. Petersburg, izd-vo vost. lit. (In Russian)
31. *Voljskaya Bulgariya i Velikaya Step'* (2006) [Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Istoriya tatar. Vol. 2. 960 p. Kazan, Sh. Marjani Institute of History. (In Russian)
32. Baskakov, N. A. (1969). *Vvedenie v izuchenie tyurkskikh yazykov* [Introduction to the Turkic Language Studies]. 383 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

ПОЭМА «АНА ВӘ УГЫЛ» («МАТЬ И СЫН») – РОВЕСНИЦА ПОЭМЫ «КЫЙССАИ ЙУСУФ»

Марсель Хаернасович Бакиров,

ГБУ «Ресурсный центр внедрения инноваций
и сохранения традиций в сфере культуры Республики Татарстан»,
Россия, 420060, г. Казань, ул. Пушкина, д. 66 / 33,
bakirovvolk@mail.ru.

Статья посвящается изучению языковых особенностей поэмы «Ана вә угыл» («Мать и сын») – ровесницы поэмы Кул Гали «Кыйссаи Йусуф» (XI в.). Это произведение дошло до нас в нескольких малоизвестных списках. Источник нами был введен в научный оборот. Новизна данной работы состоит в том, что в ней проделан сравнительно-сопоставительный анализ лексического состава языка этих произведений, изучены изоглоссы, особенности местных верований. На основе выявленного внутреннего родства доказывается, что оба произведения принадлежат к болгаро-татарской литературе. Обнаруженные языковые факты указывают на единообразие норм литературного языка болгаро-татар Среднего Поволжья. Сравнительно-сопоставительное изучение произведений позволило выявить особенности первоначального литературно-художественного койне живших в период средневековья предков татар.

Ключевые слова: литературный язык Волжской Булгарии, «Кыйссаи Йусуф», «Ана вә угыл», разговорный язык, литературное койне

Введение

Поэма «Ана вә угыл» («Мать и сын») была нами введена научный оборот как достояние болгаро-татарского народа, созданное приблизительно в одно и то же время с поэмой Кул Гали «Кыйссаи Йусуф» («Сказание о Йусуфе») [1, с. 95–97, 110–111, 189], [2, с. 263–267]. Работая над новой монографией «Тайны происхождения наших предков», которая находится в настоящее время в печати, мы углубили анализ данного древнего произведения.

Материалы и методы исследования

Материалом для изучения послужили поэмы «Ана вә угыл» («Мать и сын») и «Кыйссаи Йусуф». В исследовании мы использовали системный подход, а также аналитический и сравнительно-исторический методы.

Обсуждение

В своей статье «Язык населения Волжской Булгарии в свете новых исследований» [3] мы отметили, что из двух наречий – р-наречия с ротацизмом и з-наречия с зетированием – в результате длительного симбиоза и благодаря постепенному усилению удельного веса кыпчакских племен победителем в конце концов вышел з-язык. Но в силу интенсивного влияния карлуко-уйгурского литературного языка Караханидского государства с городами Кашгар и Баласагун, а также литературного языка огузо-кыпчакского типа из региона Сырдарья и Приаралья, попавшего позднее под влияние Хорезма, литературное койне Волжской Булгарии формировалось в смешанном формате. Если быть точнее, то огузо-кыпчакский з-язык дополнился также и уйгурскими включениями. К тому же определенное воздействие на долю «уйгуризмов» оказывали и проникшие с юга-востока на территорию буртасов и болгар токуз-огузы (смешанные огузы – уйгуры) [4].

В поэме «Кыйссаи Йусуф» Кул Гали мы наблюдаем смешанный характер языка на огузо-уйгуро-кыпчакской основе. Споры о родине этого памятника в тюркологии не утихают до сих пор. Не все тюркологи и языковеды согласны с концепцией о принадлежности этого бессмертного произведения к литературному койне Волжской Булгарии. Так, языковед Эмир Наджип объявил, что поэма

была создана в Хорезме Средней Азии, так как в ее языке огузские элементы преобладают над кыпчакскими [5]. Востоковед А. Т. Тагирджанов в своем исследовании опроверг эту версию происхождения памятника. Ученый доказал, что выводы Эмира Наджипа не имеют подкрепления в виде исторических и языковых фактов. После монгольского нашествия в Хорезме не было условий для развития литературы. Как известно, в 1220–1221 гг. монголы, перебив население, до основания разрушили Сыгнак, Ургенч и другие города Средней Азии. Это привело к исчезновению прослойки образованных людей и уничтожению культурных ценностей. Полное отсутствие литературных памятников, датированных первой половиной XIII в., красноречиво свидетельствует о том, что культурная и хозяйственная жизнь в Хорезме не была восстановлена в течение десятилетия, то есть к моменту появления поэмы Кул Гали [6, с. 50].

В результате Э. Наджип был вынужден скорректировать свою гипотезу о месте создания поэмы «Кыйссаи Йусуф». Исследователь в качестве альтернативной родины назвал регион Нижнего Поволжья, среду огузов, окруженных кыпчаками [7, с. 85]. Долгие годы этой гипотезы придерживался и литературовед Н. Ш. Хисамов. В своем исследовании он назвал в качестве родины памятника город Нижнего Поволжья Саксин [8, с. 230]. Однако, судя по данным исторических источников того времени, из-за монгольского нашествия, а также отсутствия зафиксированных литературных традиций, в Саксине тоже не было необходимых условий для возникновения такого масштабного произведения. «Географический словарь *Йакута*, законченный начерно в 1224 г. и описывающий первое монгольское вторжение в Европу (через Дербент), последовательно перечисляет завоевание хазар, алан, русских земель, Саксина, кыпчакских степей. В русских летописях упоминается о народе „саксин“ (очевидно, жителях области и города Саксин), ушедшем вместе с половцами в Булгарию во время нападения монголов (эта информация зафиксирована под 1229 г.). Очевидно, после татаро-монгольского завоевания Саксин пришел в упадок» [9, с. 96].

Несколько лет тому назад Н. Хисамов решил изменить свою версию о происхождении

поэмы и вслед за своими оппонентами обратился сведениям, изложенным в «Таварих-и Булгария» Т. Ялчыгулом (конец XVIII – начало XIX в.). Литературовед констатирует, что они носят полулегендарный характер и извлечены из более ранних источников, в частности из «Давтар-и Чингиз-наме» (конец XVI в.), «Фархангнаме», «Таварих-и давакр» и др. В некоторых из них содержатся хронологически запутанные сведения о погромах Булгар (Биляр), приписываемых вместо монгольского войска хромому Тимуру. Но, согласно этим же сведениям, во время этого погрома были казнены четыре знаменитых бека, среди которых был и человек, назвавшийся именем Кул Гали [10, с. 188–189].

В одноименном сочинении «Таварих-и Булгария» другого автора – Муслими – сообщается, что Тимур (читай: войско монголов) после Булгара попутно разрушил и город Кашан (цит. по: [11, с. 148]), который согласно тахаллусу-псевдониму автора «Кыйссаи Йусуф» («Мэн Кашани, зэгыйфь бэндэ, атым Гали». – «Я Кушанец, слабый раб, имя мое Али») является малой родиной Кул Гали. На основе этих сведений Дж. Алмаз сделал вполне логичный и обоснованный вывод, что данная поэма была написана именно в Волжской Булгарии [12].

Эту концепцию поддержали профессор Ленинградского университета Г. Т. Тагирджанов [13], научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Ф. С. Фасеев [14], профессор Казанского университета Р. К. Ганиева [15]. Согласно исследованиям Р. К. Ганиевой, именно в Волжской Булгарии, находящейся в тот период в орбите мусульманского Ренессанса, были наиболее благоприятные условия для появления такого классического произведения, как «Кыйссаи Йусуф» [15].

Продолжая исследования своих предшественников, в качестве дополнительного, но весьма серьезного и убедительного материала в пользу булгарского происхождения этого произведения мы решили привлечь другую поэму, имеющую непосредственное отношение к региону Среднего Поволжья. Речь идет о поэме «Ана вэ угыл» («Мать и сын») неизвестного автора, которая тоже, как и историческая «Песня о Кашане», сохранилась в личном архиве исследовательницы Зайнап Максудовой. Мы ввели эту поэму в научный оборот с благословения этой благородной женщины [4,

с. 258–263]. Местом действия в поэме, по распространенной традиции того времени, назван южный город. Судя по огузско-кыпчакской лексике и фонетико-грамматическим особенностям языка, весьма близким к языку «Кыйссаи Йусуф», а также по содержащемуся в ней выражению, привязывающему эту местность к относительно северному географическому поясу, то есть к широте расположения Булгарии, это произведение явно создано в том же регионе и примерно в то же время (или чуть позже), что и «Кыйссаи Йусуф».

В начале произведения «Ана вэ угыл» говорится, что трагический конфликт между матерью и сыном произошел¹, когда «*был весенний длинный день, а ночь была короткой*». – «*яз көни ирди – узун, төни кыска*» (цит. по: [16, с. 264]). Эта диспропорция между двумя половинами суточного времени соответствует, несомненно, рассматриваемому нами географическому поясу. К тому же, по всей вероятности, такое описание связано с местожительством самого автора, поскольку он механически включил это выражение в регион расположения Кагъбы (Саудовская Аравия). Как нам известно по отдельным источникам, в свое время прибывшие в Волжскую Булгарию с юга иностранные путешественники Ибн Фадлан (XI в.) [17] и ал-Гарнати (XII в.) [9] не без основания очень удивлялись тому

¹ Трагическая коллизия возникает после того, как однажды сын во сне увидел, что он случайно выбивает у матери глаз и приговаривается к казни на костре. Сон оказывается вещим. Утром сын рассказал свой сон матери и из-за тяжелых переживаний наотрез отказался брать из рук ее кусок хлеба, выданный для обеда в медресе, заявляя, что, напротив, после такого страшного сна будет 40 дней поститься и ни с кем не будет разговаривать. И именно тогда, когда он упорно отмахивался от предложенного ему хлеба, сын нечаянно выбил у матери глаз. Ужаснувшись случившемуся, он «*взял нож, чтоб ударить себя, / Чтобы ради матери отдать богу душу*» («*Пычак алды кэндү үзин ормага, / Анасы өчүн кэндү жанын вирмэгэ*»).

Воины-газии пророка Мухаммеда бросаются на мальчика и, подвергнув различным пыткам, кидают его в пламя специально зажженного очага. Когда матери, вначале проклявшей и отказавшейся простить сына, показали сцену его наказания, сердце ее не выдержало, и она бросилась вслед за ним в огонь, предпочитая смерть и самопожертвование мучительному созерцанию гибели сына. Вскоре их от гибели обоих спасает пророк Мухаммед [4, с. 260–262].

обстоятельству, что летом здесь день намного длиннее по сравнению с ночью. Эти сообщения касаются солнцестояния летней поры, однако, как правильно отмечается в поэме, дни в широтах Среднего Поволжья начинают удлиняться еще весной.

Если в поэме «Кыйссаи Йусуф» мы познакомились с самоотверженной, полной драматизма и духовных переживаний историей любви отца и сына, то здесь воспевается взаимная любовь матери и сына. Такая любовь представляет собой высшую форму проявления платонической (целомудренной) формы любви и, будучи в суфийской символической образцом бескорыстного, глубоко нравственного святого чувства, также трактуется как любовь, воссоединяющаяся с великим чувством любви к Всевышнему. Одним словом, и по духу, а также по целенаправленности оба произведения отвечают той атмосфере, которая царил в этот период в Среднем Поволжье.

Как известно из истории ислама, в XII–XVI вв. этот регион испытывал сильное влияние суфийского ордена-тариката из Средней Азии «Ясавия», а также мистической поэзии ее создателя Ахмеда Ясави и его ученика Сулеймана Бакыргани. Это объясняется тем, что тарикат «Ясавия» не противостоял официальной религии Волжской Булгарии, ее канонам и предписаниям, а наоборот, функционировал как монотеистическое течение, признающее единственность Аллаха.

Интересно, что в обеих анализируемых поэмах выпавшие на долю отдельных героев тяжелые мучения и пытки рассматриваются как наказание за свои грехи, ниспосланное Тенгри.

Кул Гали «Кыйссаи Йусуф»	«Ана вэ угыл»
«Эйдер (Йусуф): „Бэна бу казаны Тэнре вирде“». – «Сказал (Йусуф): „Эти мучения мне послал Тенгри“» (здесь и далее подстр. пер. наш. – М. Б.)	«Нэйлэен, бу каза Тэнредэн кэлде бэна». – «Что делать, эти мучения послал мне Тенгри».

Это как раз те времена, когда установление и укрепление ислама сопровождалось отождествлением в устах верующих имени мусульманского Аллаха с привычным тюркским именем языческого, но единого бога Тенгри. И надо особо отметить, что подобные произведения, где показывается величие

Аллаха и чудесные деяния исламских пророков, для пропаганды и укрепления мусульманской религии создавались в самой Волжской Булгарии либо проникали извне. Произведения «Кисекбаш» («Отрубленная голова»), «Джумджума султан» и «Кыйссаи Авуку» являются тому убедительными примерами.

В составе лексики интересующей нас поэмы привлекают к себе внимание архаические слова, являющиеся, как отмечает М. Кашгари, общими для кыпчаков, огузов, сувар и болгар: *азак* – нога, *тэвэ* – верблюд [18, с. 66]. Вместе с тем там же мы сталкиваемся с характерными для болгарского языка особенностями, нашедшими отражение в эпитафиях. Это, в частности, употребление *ж* (параллельное с *й*) в начале слов: *жан* (*ы*), *жан*(*ымыз*) – душа, *жиһан* – мир, а также причастные формы и глагольные имена с прибавлением аффикса *-мыш/-меш*, являющегося уйгуро-огузским элементом: *дот-мыш* – иметь, *кер-меш* – входить, вступать, *вирмеш* – давать, отдавать. Эти же самые слова и особенности местного наречия характерны и для поэмы «Кыйссаи Йусуф»: *азак* – нога, *тэвэ* – верблюд, *жиһан* – мир, *жан* – душа, *жөмлэ* – все, весь, *жигэреңне* – силы свои, *дотмыш* – иметь, *кермеш* – входить, *сатмыш* – продать.

Присутствие в анализируемых поэмах наряду с огузо-кыпчакскими изоглоссами уйгурских языковых особенностей, образовавшихся под влиянием традиций карлуко-уйгурского литературного языка Караханидского государства (произведение «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и словарь «Дивани лугат-ат-турк» Махмуда Кашгари), а также «уйгуризмов», проникавших из языка токуз-огузов на территории самой Булгарии [4], можно подтвердить также и другими примерами. Так, к ним, на наш взгляд, определенно относятся следующие изоглоссы.

I. Из поэмы «Кыйссаи Йусуф»: а) отрицательные формы глагола с аффиксом *-маз/-мэз*: *калмаз* – не остаться; *тоймаз* – не насытиться; *курмэз* – не увидеть; *белмэз* – не знать, *кэлмэз* – не прийти; б) имена или слова, образованные от глагольных основ при помощи аффикса *-ыг/-уг/-аг*: *кап* – закрывать > *капыг* / *капуг* – дверь, ворота | *куру* / *куры* – сохнуть, высохнуть > *куруг* / *курыг* – сухой, засохший | *йара* – ладить, изготавливать > *йараг* – улаживание, изготовление | *тат* – пробовать, вкушать > *татлуг* / *татлыг* – вкусный,

сладкий; в) слова, сохранившие в середине корневой глухой звук *к*: *бакар* – смотреть, *чыкар* – выводить; г) слова повелительно-желательного наклонения, образованные из основы глагола при помощи аффикса *-гыл/-гел* и *-кыл/-кел*: *варгыл* – иди, *дотгыл* – держи, *белгел* – знай, *кэлгел* – приходи; д) глаголы будущего и настоящего неопределенного времени, идущие из раннеуйгурских памятников: *вирерсэн* – отдашь, *сорарсэн* – спросишь, *сачусерман* – посею, *курмаясез* – не увидите. Приведенные нами изоглоссы напрямую связаны именно с канонами уйгурского языка [19].

II. Примеры из поэмы «Ана вэ угыл», схожие и идентичные с соответствующими уйгуризмами из поэмы «Кыйссаи Йусуф»: а) *куймаз* – не класть, не оставлять, *йимаз* – не кушать, не овладевать; б) *кат* – твердеть, становиться твердым > *катыг* – твердый, жесткий, суровый | *кап* – закрывать > *кануг* – дверь, ворота | *уйу* – спать > *уйку* – сон | *көркат* – хорошее, становиться красивым > *көреклек / күреклек* – красивый; в) *бакар* – смотреть, *чыкар* – выводить, *айакым* – моя нога; г) *торгыл* – вставай, *кургел* – смотри, *киткел* – уходи, *димгел* – не скажи, не говори; д) *иййэсэн* – покушаешь, *дийэсэн* – расскажешь, *тапмайгэсэн* – не найдешь, *курмайгэсэн* – не увидишь.

Крупный тюрколог-языковед Э. Р. Тенишев, как и Н. А. Баскаков, в языке поэмы «Кыйссаи Йусуф» в свое время выделил следы упомянутого выше влияния предшествующих литературных традиций из двух центров Средней Азии [20], которые были созданы по большому счету тремя языковыми группами. Это восточная традиция карлуков-уйгуров, относящаяся территориально к Караханидскому государству с городами Кашгар и Баласагун, и вторая – западная традиция, принадлежащая смешанному населению региона Сырдарья и Приаралья. Оно состояло в основном из огузов, а также из проникших с востока кыпчаков, которые, экспансируя их территорию, слились с определенной их частью, не ушедшей на запад [20]. Влияние этих же традиций, как подтверждают вышеприведенные примеры, мы видим и в языке поэмы «Ана вэ угыл».

Вместе с тем в поэме «Кыйссаи Йусуф», помимо вышеуказанного тахаллуса-псевдонима поэта, напрямую связанного с названием болгарского города Кашан (Кушан),

зафиксированы слова и словосочетания регионального характера. Таковы, например, не зафиксированные в древнетюркском словаре слова: *брак / бирок* – бросать | *сил* – вытереть // *съл* (чув.) – «то же» ~ *сөлге* (тат.) – полотенце для вытирания | *ток-* / *токан* – зажечь, раздуть огонь // *токан-дыру* (тат. диал.) – «то же» | *дагъла* – сжигать, гореть // *дау / дагъ* (стар. тат., башк.) – «то же». Эти же локальные слова засвидетельствованы в поэме «Ана вэ угыл». Плюс к этому в этой поэме содержится уникальная информация, указывающая на удлинение суточного дня весной, которое соответствует именно географическим координатам Среднего Поволжья, а не координатам южных регионов, включая Среднюю Азию.

Обращает на себя внимание еще одна особенность в языке интересующих нас поэм. Мы имеем в виду использование в начальном положении слов вместо общепринятого *б* звука *в* (*v*, *w*). Например, в эпитафиях и личных именах на территории Болгарии: *вун* (*уын*) – десять, *вечем* – третий, *вътър / вутур* – тридцать, *Вырах* – имя суварского бека (князя)². С аналогичным явлением, то есть использованием в анлауте протетического *в*, мы встречаемся и в чувашском языке: *вут* – огонь, *върман* – лес, *вулим* – мой сын. А в финских языках, носители которых соседствовали и общались с булгарами, в частности в марийском и мордовском, анлаутное *в* (*v*) выступает как активная и устойчивая фонема в составе многочисленных слов.

Эта локальная лингвистическая закономерность, ускользнувшая от внимания исследователей, проявила себя и в литературном языке Болгарского государства, на котором написаны анализируемые нами произведения. Так, в поэме «Кыйссаи Йусуф»: «*Һәр каламнең (сүзнең) аслы вардыр, фаслы (урыны) вар*». – «У каждого слова свой смысл, свое назначение» (досл. место). В поэме «Ана

² Языковед-тюрколог М. З. Закиев считает, что это слово, фиксированное в арабском оригинале мешхедского списка записей Ибн Фадлана как *عورغ* – *виргъ*, искажено переводчиком [21, с. 325]. Оно, этимология которого еще никем не установлена, на наш взгляд, тождественно слову *eriq* ‘ловкий, проворный’ [22 с. 117], которое давалось детям мужского пола, ибо если убрать из слова *виргъ* протетический согласный *в*, записанный Ибн Фадланом через ‘*u*’ по слуху, то остается корень *иргъ* → *ериг* → (*г*→*ж*) *ерик* – ловкий.

вэ утыл»: *вар ирде* – был; *гилем вирмеш иде* – давал знания, учил; *вардым мэн* – сходил я. Тюрских слов с начальным *в* (*v*) в этих поэмах немало.

Необходимо особо подчеркнуть, что это самобытное языковое явление в среднеазиатских литературных памятниках отсутствует. Ни в стихах Ясави, ни в карлуко-уйгурском памятнике «Кутадгу билик», ни в текстах как письменной, так и народной поэзии из «Дивани лугат ат-турк» примеров использования *в* (*v*) в начале слова, за исключением одиночных арабо-персидских слов, вы не обнаружите. Как рудимент или как остаточное явление раннего литературного койне (включая и язык эпитафий) болгарского периода оно встречается, и то очень редко, в стихах Умми Камала (промежуток XIV–XV вв.). А уже в творчестве казанского поэта Махмуда Мухаммадьера использование в тюркско-татарских словах анлаутного *в* вместо *б* полностью исчезает.

Но это все вовсе не свидетельствует о том, что такое явление не было характерно для народно-разговорного языка определенной части или группы татар, то есть какого-либо их диалекта. Как мы установили в своих исследованиях, следы анлаутного *в* (*v*), чередующегося с «б» или протетического (от фр. *prothese* ‘прибавление’) характера, точно так же, как и архаические примеры ротацизма, сохранились в основном опять-таки у группы мишарей. Такой языковой феномен объясняется тем, что мишари – это тот этнический массив, который, по мнению ведущих специалистов, как и болгары, сложился благодаря смешению тюркоязычных и угроязычных групп. Вот как пишет по этому поводу известный этнограф Р. Г. Мухамедова: «...мы неоднократно указывали на наличие в быту мишарей финно-угорского пласта, которые невозможно объяснить лишь влиянием культуры финноязычных соседей» [23, с. 407, 409]. Близкое участие угорского субстрата в языке мишарей признает и языковед Р. Г. Ахметьянов [24, с. 198]. Для подтверждения наличия в говоре этих диалектных групп общих с болгарями изоглоссных явлений сначала приведем обнаруженные нами примеры на ротацизм (*p̣ʰz*): *Сар-Саз* – *сар* (угро-фин.) – болота, отсюда прилагательное «болотный» // *саз* (тюрк.) – «то же» | *чайер* – смола, жвачка // *сагыз* – «то же» | диал. *тымырсык* – сухость,

холодно // *тымызык* – сильный мороз | диал. *тирис* – обратная сторона, наизнанку // *тискәре* – «то же» | *нергә/нигырь* (удм.) – основание, фундамент // *нигез* – «то же». Такие примеры как реликты сохранились несмотря на то, что мишари сравнительно долго находились под нивелирующим воздействием кыпчакско-татарского языка.

А вот примеры из лексики у разных групп мишарей на анлаутное *в* (*v*), отмеченные в «Большом диалектологическом словаре татарского языка» [25]: *вәке* – прорубь // *бәке* (общетат. койне) – «то же» / *выргыту* – бросать // *ыргыту* (общетат.) – «то же» | *выркылдау* / *бакылдау* | *выжсу* / *сызгыру*, *вызлату* – науськивать, натравливать | *вәңге* – белая ива (өянке) | *важсага* – зарница / *ажсаган* (общетат.) – «то же» | *вернәү* – плакать // *әрнү* (общетат.) – ныть | *вел-вел* – мерцать.

Спорадическое проявление в болгарских эпитафиях и литературных памятниках анлаутного *в* (*v*), по нашему мнению, тоже является следствием смешанного угро-тюркского характера болгарского языка, следы которого сохранились, оказывается, в кавказских языках, носители коротких общались в свое время с болгарями. Приведем примеры из современных языков Дагестана, которые лингвистами Кавказского региона по праву считаются древнеболгарским субстратом: *вари* (лак.) – сын // *uri* (др.-тюрк.) – сын | *варан* (лак.) – длинный // *uzun* (др.-тюрк.) – «то же» | *виура/вира* (лак.) – кашка из толокна, *перен*. жижа, бурда // *ügrä* (др.-тюрк.) – жидкая каша ~ *өйрә* (тат.) – суп с крупой, похлебка | *ву* (лак.) – пролить // *ju* (др.-тюрк.) – мыть [26, с. 15–23] | *варканат* (кумык.) – летучая мышь // *йарканат* (тат., узб.) – «то же» [27, с. 22].

Что же касается многочисленности такого сложения слов в чувашском языке, то это, на наш взгляд, объясняется во многом доминантной ролью угро-финской системы фонологии и словообразования, начавшей формироваться фактически еще до прихода болгарских племен, а также последующим влиянием близких по духу чувашскому марийского, мордовского и удмуртского языков, потому что в лексиконе этих языков финно-угорской семьи очень активна анлаутная фонема *в* (*v*).

Если серьезно вдуматься, то расхождение литературного койне Средней Азии, в том числе и Хорезма, с литературным языком

Волжской Булгарии в анализируемой нами части также убедительно свидетельствует в пользу создания поэм «Кыйссаи Йусуф» и «Ана вә угыл» именно в регионе Среднего Поволжья³.

Кроме всего прочего, в анализируемых нами поэмах немало слов другого, но архаического склада тоже имеют параллельный, общий характер: *имди / емди* – теперь, *үтмэк* – хлеб, *эл* – рука, *көнэш* – солнце, *келэч* – слово, *гәүрэт* – женщина, *иртэ* – искать, *эйтэсэн/ийтэсэн* – теряешь, *чакыр* – кричать, *биңзэр* – похожий, *брак* – бросать, *баң* – рыдать, *чевүр* – поворачивать, *йокый* – кончиться, истощить, *йавлак* – очень; в том числе и арабо-персидские слова *чэрк* – колесо, *сохбэт* – общение и др. Некоторые слова имеют локальный характер. Например, *сил* ‘вытирать’ сохранилось по сей день у чувашей. В татарском из этого корня произошло слово *сөлге* – полотенце. В древнетюркском и татарском имеется, возможно, родственное с этим корнем слово *sürt* и *cört* – втирать, вытирать. А архаическое слово *токан* (*токандыру*) ‘зажечь, раздуть’ в «Древнетюркском словаре» [22] и в словаре «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова вовсе отсутствует [30]. То же самое следует сказать и о слове-глаголе *даг-* / *дагла* ‘гореть, сокрушаться’.

Смешанный тип языка поэмы «Ана вә угыл», как и поэмы «Кыйссаи Йусуф», проявляется не только в составе ее лексики, но и в двойственном характере или двухвариантности фонетического оформления ряда слов: *датлы* – *татлы*, *дөш* – *төш*, *уда* – *утта*, *вар* – *бар*, *вир* – *бир*, *азак* – *айак*, *бән* – *мән*, *жир* – *йир*, *жан* – *йан*, *жикәрү* – *йикәрү*, *ирди* – *иди*, *буен* – *муен*, *эл* – *кул*, *катун* – *хатун*, *ат* – *аткыл*, *димә* – *димәгел*. Это, конечно, связано с

³ М. Расянен утверждает, что в древнетюркском языке *v-* в начальном положении вообще отсутствует [28]. Б. А. Серебrenников тоже считает, что «...в распоряжении науки нет данных о существовании его. В наиболее древних письменных памятниках тюркских языков, как известно, *v-* в начальной позиции не зарегистрирован (ср. слова енисейско-орхонских памятников типа *uriš* «сражение», но чуваш. *věrz'ě* «война», *on* «десять», но чуваш. *vin*). Здесь же исследователь полностью оспаривает попытку Н. А. Баскакова доказать наличие этого анлаутного звука в древнетюркском языке, а также гипотезу о первичности чувашского прототипического *v-* из-за отсутствия достаточных оснований [29, с. 71–72].

незавершенностью, продолжающимся процессом сложения литературного языка того периода, а также с влиянием местных наречий и преобладающего разговорного койне. А в письменных памятниках периода Казанского ханства в XVII–XVIII вв., в связи с усилением кыпчакского пласта в Среднем Поволжье, фонетические расхождения и огузские, особенно уйгурские, элементы резко сокращаются и нивелируются.

В произведении «Ана вә угыл» грамматические формы отражают огузо-уйгуро-кыпчакские традиции, и, как правило, архаические формы склонений глаголов двух поэм идентичны друг другу.

«Үтмәк алгыл, анда варуб йийәсэн,
Бу дөшәнне остадына дийәсэн». –
«Бери хлеб, придешь, там покушаешь,
Этот сон расскажешь своему учителю».

«Бире килгел, ахыр күргел хәлеми,
Куртар имди ушбу утган, хәллили». –
«Иди сюда, смотри, в каком я состоянии,
Спаси, умоляю, из этого огня, помилуй».
(«Ана вә угыл»)

«Гаурәт әйдер: „ah Ягкуби нә сорарсэн,
Тиз варырсын, нә деләрсен, нә кеше сән?“ –
«Женщина сказала: „Зачем интересуешься
Йакубом,
Торопишься откуда ты, чего хочешь?“»

«Анлар әйдер: „Коллыкка разый улгыл,
Дәлен берлә син дагы икәрар кылгыл“». –
«Они сказали: „Смирись со своим рабством,
Подтверди это сам своими устами“».
(«Кыйссаи Йусуф»)

Как видим, языковые показатели анализируемых нами двух поэм весьма схожи и во многом даже совпадают, к тому же обе написаны *з-*наречием или языком. Это говорит об общности, единообразном характере литературного языка Волжской Булгарии, находящегося в процессе становления и укрепления. Возник и существовал ли литературный язык с *p-*языком или наречием, на котором были созданы какие-либо произведения, неизвестно.

Скорее всего, из-за общности основной общетюркской лексики и вследствие большой ограниченности, немногочисленности лексики с ротацизмом, тем более с ламбдаизмом, такой литературный язык, видимо, не сложился. До нас дошла, например, прочитанная специалистом-знатоком древнетюркских языков и

диалектов Л. Ю. Тугушевой надпись 1220 г. на золотой чаше, которая определяется ею как принадлежность к стилю поволжского литературного языка (цит. по: [31, с. 627]). Хотя в этом тексте присутствует ротационное слово *jür* (/ / *йөз* – сто), он фактически написан общедоступным общетюркским языком: «*Sənätü həzrät Məkadın Mədinəgə bargalı alti jür ün jeti*». – «В году: с тех пор, как хазрат <Мухаммед> поехал из Мекки в Медину, шестьсот семнадцать <лет>».

Зато нам всем хорошо известно то, что в Булгарии был создан своеобразный ритуальный вариант литературного языка с *p*- и *z*-элементами и арабоязычными включениями – это, конечно, эпитафии. И эти эпитафии или надгробные подписи, в зависимости от наличия в них *p*- или *z*-элементов, рассматриваются как отдельные языковые стили, первые из которых носили консервативный характер.

Литературным языком науки в Волжской Булгарии по сложившейся на мусульманском Востоке традиции был арабский. Об этом свидетельствует, согласно сообщению побывавшего в этой стране ал-Гарнати, не дошедшее до нас сочинение Билярского кадыя Йакуба ибн Нугмана об истории Булгара, а также богословская литература (толкования Корана, письменная фиксация хадисов), связанная с именем Булгарского кадыя Абдуллы Хамида ибн Идриса ал-Булгари (XII в.), о чем пишет, ссылаясь на древние источники, Ш. Марджани (цит. по: [6, с. 31]).

Возвращаясь к языку поэм «Кыйссаи Йусуф» и «Ана вэ угыл», на архаическом слове с ротацизмом *terk* (др.-тюрк.) – быстро, скоро // *tezig* (др.-тюрк.) – «то же» хочется остановиться отдельно. Данное слово, насколько нам известно, впервые было письменно засвидетельствовано в памятнике X в. «Алтын йарук» («*Altun öñlüg jaruq jaltryklyu qorta körülmis nom iliki altu nom*», то есть книга под заглавием «Сияющая золотым блеском над всеми превознесенная царь-книга»). Эта книга-сутра буддийского содержания в X в. (930 г.) была переведена с китайского на уйгурский язык Сели Тудуном, жителем города Биш-Балык. В лексиконе этого переводчика слово *терк* / *тэрк* с ротационной изоглоссой, скорее всего, появилось, как мы полагаем, вследствие стыковки *токуз-гузов* (уйгуров) с восточными уграми-сапирами-манси еще в период их нахождения в составе Тюркского каганата либо каганата уйгур (Уйгурский каганат).

Далее ротационное слово *терк* / *тэрк* было использовано в памятнике «Дивану лугат-ит тюрк» (1072–1070 гг.) – «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгари, а также в поэме «Кутадгу билиг» (1069–1077 гг.) – «Знания о счастье» Юсуфа Баласагуни. Названные два памятника, как явствует из псевдонимов их авторов, созданы в городах Кашгари и Баласагуни, являвшихся культурными центрами Караханидского государства, где функционировал среднеазиатский карлуко-уйгурский литературный язык.

После гибели Уйгурского каганата группа или часть токуз-огузов влилась в состав носителей этих языков в регионе южнее Тянь-Шаня и тоже занесла в их лексикон слово *терк* / *тэрк* *p*-наречия, возникшее еще в регионе Центральной Азии именно в результате взаимодействия их с уграми (это же слово, кстати, в транслитированной форме *türgen* проникло и в монгольский язык). Караханиды распространяли свое влияние на огузо-кыпчакские племена Приаралья и Сырдарьи, которые представляли из себя второй литературный центр Караханидского государства [32, с. 168]. Позднее сырдарьинские племена вошли во владения Хорезма, где до нашествия монголов получило развитие на огузо-кыпчакской основе второе среднеазиатское литературное койне.

А в начале XIII в. (1212–1236 г.), очевидно, под влиянием языка литературных памятников, созданных еще в XI в. в Караханидском государстве, либо через посредство токуз-огузов, проникших и присоединившихся к населению на территории Волжской Булгарии [4], ротационное слово *терк* / *тэрк* как суперстрат появилось уже в поэме «Кыйссаи Йусуф»⁴, являющейся в языковой основе огузо-кыпчакским произведением с включениями уйгуризмов. И далее, что очень интересно и вполне объяснимо, это же слово представлено также и в поэме «Ана вэ угыл»⁵, написанной тоже общим литературным койне в той же Булгарии. А если учесть то неоспоримое обстоятельство, что архаическая лексема *терк*

⁴ «Мөсәллим тәркләйү кирү кәлди,
Бу әхвали атасына хәбәр вурди». –
«Муссаллим скоро вернулся обратно,
Сообщил о случившемся отцу».

⁵ «Анасы әйтүр: әй, угълым, күзим нури,
Намаз вакты булды, тэрк торгыл, диде.
Мать сказала: О, сынок, свет моих очей,
Уже пора намазу, быстро вставай, молвила».

после нашествия монголов выходит из употребления вообще, то все это, включая схожесть и общность основной лексики и грамматических форм, еще раз подтверждает принадлежность двух поэм приблизительно к одному и тому же периоду и к сложившейся в Среднем Поволжье литературной традиции.

В своем проблемном исследовании А. Т. Тагирджанов для подтверждения своей концепции о болгарском происхождении поэмы Кул Гали «Кыйссаи Йусуф» очень удачно и уместно использует тип стихосложения этого произведения. Как правильно и к месту он заметил, все более и менее крупные произведения, появившиеся в Средней Азии («Котадгу билик», «Хибат ал-хакаик») и в Хорезме («Му'ин ал-мурид», «Махаббат-наме», «Дастан-и Джумджума султан»), написаны арузом⁶. Только стихи суфийских поэтов Ахмада Ясави, Бакыргани и других, связанных с народным творчеством, написаны силлабическим размером⁷. Анатолийский суфийский поэт Йунус Имре свои суфийские стихи под влиянием Ахмада Ясави сочинил тоже силлабикой.

«Отсюда напрашивается вывод, – пишет исследователь, – что „Кыйссаи Йусуф“ Гали возникла среди болгарского народа, далекого от влияния литературы на фарси и не привыкшего читать стихи, написанные арузом. Силлабическим размером написаны и другие поэмы, возникшие в Булгаре («Бадавам Китабы», «Кисек баш китаби» и др.)» [6, с. 52–53].

Результаты

Анализ языковых особенностей поэм «Ана вә угыл» и «Кыйссаи Йусуф» показывает, что оба произведения были созданы на территории Среднего Поволжья.

⁶ Аруз – стихосложение классической поэзии, основанное на чередовании долгих и кратких слогов. В тюркском языке долгие слоги обычно передавались закрытыми, то есть заканчивающимися на согласный звук слогами, а краткие – открытыми (заканчивающимися на гласный).

⁷ Силлабический стих основывается на одинаковом количестве слогов в строках, разделенных цезурами (словоразделами) на ритмические звенья. Краткость-длительность, а также ударность-безударность слогов не учитываются. Чтобы ритм воспринимался ровно и без искажений, строки при помощи цезур (словоразделов) делятся на соизмеримые части – ритмические звенья или группы.

Выводы

Поэма «Ана вә угыл» написана неизвестным поэтом силлабикой. Находящийся у нас на руках текст этого произведения (рукопись состоит из 123 бейтов-двустуший, то есть из 246 строк) имеет определенные изъяны и несохранившиеся либо неразборчивые и испорченные места. Как утверждает литературовед Наджип Исмагилов, неполный текст настоящего произведения он видел в отделе рукописей Санкт-Петербургского отдела Института востоковедения. Значит, в будущем можно будет объединить два текста и ввести восстановленный полный текст этого произведения в хрестоматию по болгаро-татарской литературе либо издать отдельно эту поэму – уникальное наследие наших предков.

Литература

1. *Яхин А., Бакиров М.* Фольклор жанрларын система итеп тикшерү тәҗрибәсе: (Мәзәкләр, бәетләр). Казан: Казан ун-ты нәшр., 1979. 198 б.
2. *Бакиров М. Х.* Шигърият бишеге. Гомумтәрки поэзиянең яралуы һәм иң борынгы формалары. Казан: Мәгариф, 2001. 344 б.
3. *Бакиров М. Х.* Язык населения Волжской Булгарии в свете новых исследований // Филология и культура. Philology and culture. 1 (67). 2022. С. 21–29.
4. *Бакиров М. Х.* К вопросу о происхождении токуз-огузских элементов в болгаро-татарском литературном языке // Филология и культура. Philology and culture. 2021. № 4 (66). С. 23–28.
5. *Наджип Э. Н.* О языке памятника начала XIII века «Кыйсса-и Юсуф» Али // Советская тюркология. 1976. № 2. С. 74–78.
6. *Тагирджанов А. Т.* Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулейха» на «Кыйссаи Йусуф» 'Али и «Йусуф и Зулейха» Шаййад Хамзы // Палестинский сборник. 1970. Вып. 21. С. 46–61.
7. *Наджип Э. Н.* О диалектном составе языка Кутба // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 4. Баку, 1966. С. 85–89.
8. *Хисамов Н.* Кол Гали. «Кыйссаи Йосыф» дастаны // Татар әдәбияты тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., Т. 1. 2014. Б. 226–239.
9. *ал-Гарнати, Абу Хамид Мухаммад* (1080–1169). Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. (1131–1153 гг.) / Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайт. Москва: Наука, 1971. 133 с.
10. *Хисамов Н. Ш.* Кол Гали // Татар әдәбияты тарихы. Т. 1. Казан: Тат. кит. нәшр., 2021. Б. 182–204.
11. *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 223 с.

12. Алмаз Д. «Кисса-и Юсуф Али» – болгаро-татарский памятник. Москва: Изд-во вост. лит., 1960–1961. 11 с.
13. Таһирҗанов Габдрахман. Тарихтан – әдәбиятка. Казан: Татар. кит. нәшр., 1970. 167 б.
14. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / Төп текстны эзерләүче кереш мәкаләне, искәрмә һәм кулъязмаларның тасвирламаларын язучы Ф. С. Фасиев Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 543 б.
15. Ганиева Р. К. Восточный Ренессанс и поэт Кул Гали. Казань: Изд. КГУ, 1988. 172 с.
16. Бакиров М. Х. Болгарларга тоташкан тамырларыбыз (Наши корни, связанные с болгарями) // Казан утлары. 2013. № 9. Б. 136–155.
17. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. 347 с.
18. Кашигары М. Девани лугат ит-турк. Т. 1. Ташкент, 1957. 460 с.
19. Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 122 с.
20. Тенишев Э. Р. О языке поэмы «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали // Поэт-гуманист Кул Гали. Казань, 1987. С. 133–137.
21. Закиев М. З. Происхождение тюрков и татар. М.: Инсан, 2003. 446 с.
22. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др.; АН СССР. Ин-т языкознания. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. XXXVIII, 676 с.
23. Мухамедова Р. Г. Основные этнические компоненты в составе татар-мишар (по данным этнографии) // Сборник научных статей и очерков. Казань: Ихлас, 2014. С. 406–410.
24. Ахметьянов Р. Г. Сравнительное изучение татарского и чувашского языков. М.: Наука, 1978. 248 с.
25. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова и др. Казан: Татар. китап нәшр., 2009. 839 с.
26. Джадалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М.: Наука, 1990. 248 с.
27. Джадалаев Н. С. Актуальные проблемы предмета тюрко-дагестанских этноязыковых контактов // Тюрко-дагестанские языковые взаимодействия. Махачкала, 1985. С. 23–26.
28. Расянен М. Об урало-алтайском языковом родстве // Вопросы языкознания. 1968. № 1.
29. Серебренников Б. А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 62–72.
30. Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова. Москва; СПб: Изд-во вост. лит., 1963–1964.
31. История татар. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Институт истории им. Ш. Марджани Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 960 с.
32. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969. 383 с.

«АНА ВӘ УГЫЛ» ПОЭМАСЫ – «КЫЙССАИ ЙОСЫФ» ПОЭМАСЫНЫҢ ЧОРДАШЫ

Марсель Хәernas улы Бакиров,
«Татарстан Республикасының мәдәният өлкәсендә
инновацияләр кертү һәм
традицияләрне саклау буенча ресурслар үзәге»
дәүләт бюджет учреждениесе,
Россия, 420060, Казан ш., Пушкин ур., 66 / 33 нче йорт,
bakirovvolk@mail.ru.

Бу мәкалә Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф» поэма-дастаны белән бер чорда ижат ителгән «Ана вә угыл» поэмасының тел үзенчәлекләрен өйрәнүгә багышлана. Безнең көннәргә берничә чыганакта килеп житкән әлеге эсәр фәнни кулланышка беренче булып, безнең тарафтан кертелде. Макаләнең фәнни яңалыгы шунда: анда сүз барган эсәрләрнең лексик составы, уртак алымнары һәм аларда чагылыш тапкан дини ышанулар үзара чагыштырып тикшерелә. Тикшерү барышында ачыкланган ике эсәргә дә хас уртак дәлиләр әлеге поэмаларның болгар-татар әдәби мохитендә ижат ителгәнлеген раслыйлар. Моңарчы анык билгеле булмаган тел фактлары Урта Идел буенда формалашкан әдәби телнең бердәй нормаларга нигезләнүен исбатлыйлар. Иң мөһиме, эсәрләрне үзара чагыштырып өйрәнү болгар-татар бабаларыбызның иң тәүге әдәби көйне-шивәсенә хас тел үзенчәлекләрен ачарга мөмкинлек бирә.

Төп төшенчәләр: Идел буе болгарларның сөйләм һәм әдәби телләре, «Кыйссаи Йосыф», «Ана вә угыл» поэмаларының әдәби көйне-шивәсе һәм Ватаны